

Взвешив,
Душ
13. 10. 92

Международный театральный фестиваль им. А. П. Чехова

Когда все стали инородцами

«Тевье-Тевель» в Киевском театре им. И. Франко

Псевдоним известного еврейского писателя Шолом-Алейхема переводится: мир вам! Может быть, именно поэтому мысли его показались мне сегодня столь актуальными, что проблемы мира в дни без войны вдруг обрели особый смысл в нашей раздираемой конфликтами стране, где даже дети тянутся к оружию.

Киевский украинский театр имени Ивана Франко показал в рамках фестиваля один из лучших своих спектаклей последних лет «Тевье-Тевель». В основу его легла пьеса Григория Горина, сочиненная по мотивам повести «Тевье-молочник».

Художники спектакля Даниил Лидер, Михаил Глейзер и Владимир Лящинский предложили режиссеру Сергею Данченко максимально укрепить пространство сцены, словно его готовили не для драматического спектакля, а для балета. Справа от зрителей начинается Млечный путь, который заполняет всю заднюю стену. Для полноты ощущений недоставало лишь Луны, без которой не обходилось ни одно из полотен великого Марка Шагала. Скупость художников потребовала от них же максимальной изобретательности. А от нас — соучастия и воображения. Огромная крыша по воле постановщика может превратиться в стог сена, свадебный стол, в бьющий в набат колокол. Знаменитая крышка с молоком, спущенная с самых колосников, напоминает о первооснове не только спектакля, но и самой жизни. Красный цвет объединил сразу два зловещих знака — огня и крови.

«Отчего люди делятся на евреев и неевреев?» — вопрос этот сегодня звучит куда страшнее, чем во времена Шолом-Алейхема. Потому что нынче никто не может сказать точно, где проходит черта оседлости. Национальностями меньшинствами, инородцами на террито-

рии бывшего СССР оказались практически все люди, какой бы национальности они ни были. А ведь еще недавно мы дружно пели: «Союз нерушимый республик свободных...» Враждуют ближайшие и далекие соседи, забыв о том, что веками жили рядом.

Богдан Ступка, исполнитель роли Тевье, один из самых интересных актеров современного театра. Я знаю его давно, видел во многих ролях — от Ричарда III Шекспира, Миколы Задорожного, Ивана Франко, Артуро Уи Бертольта Брехта до Войничского Чехова и полагаю, что в принципе он может сыграть любую роль — трагедийную, комическую, фарсовую, — лишь бы она увлекла его. Нынешняя далась ему непросто, он сам об этом говорит. Актеру необходимо было проникнуться не только психологией своего героя, но и понять его душу, мотивы многих, казалось бы, немотивированных поступков. Ступка подружился с Тевье после того, как понял, что смысл жизни этого скромного, трудолюбивого человека заключен в том, чтобы делать людям добро, не рассчитывая на их признательность. Нет, он далек от мысли идеализировать каждый поступок Тевье, ибо помнит, что любой человек по своей природе грешен, и Тевье не составляет исключения из общего правила. Но он акцентирует свое и наше внимание на достоинствах этого благородного человека, примерного семьянина, хорошего, отзывчивого соседа, что привык ладить с людьми, независимо от их национальности и вероисповедания. То, что Ступка делает в Тевье, нельзя назвать исполнением, ибо он ничего не играет, но зато проживает чужую жизнь, как собственную, поднимаясь до таких трагических высот, о которых можно мечтать.

Находиться рядом со Ступкой на сцене сложно, ибо

он задает такой настрой, который не каждый способен поддержать. Даже очень талантливый актер. И все по той же причине: нужно не играть, а существовать в предлагаемых обстоятельствах, что значительно сложнее. Однако большинство его коллег по сцене не дрогнули и решили пойти за ним: будь что будет! Прежде всего назову Наталью Лотоцкую — Голду. Даже трудно предположить, что у Тевье могла бы быть другая жена, а у Голды — другой муж. До чего же они понимают и любят друг друга, даже когда дурачат — все равно! Вечный мечтатель, продавец воздуха фантазер Менахем словно списан Шолом-Алейхемом с того Менахема, которого играет Николай Заднепровский. Какая точная пластика, что за мелодика речи! Совсем не такая уж благодарная роль досталась Олегу Шаварскому, но и он нашел в своем Уряднике черты человечности, совестливости, добропорядочности. Сосед Степан Юрия Саричева напомнил мне лучшие работы Гната Юры — актера неправдоподобно правдоподобного, который мог переиграть ребенка или собаку, хотя, как известно, переиграть их невозможно. Я помню, как Виктор Цимбалист, казалось бы, совсем еще недавно играл всех героев в украинской классике и делал это замечательно. Но вот ему достался старый мясник Лейзер, и он отнесся к этой встрече так, будто это и есть главная роль его жизни. В образе студента Перчика я видел двух актеров — Арсена Тимошенко и Остапа Ступку. При том, что общий рисунок роли у них в основном сходится, Перчик Арсена скорее кавалер и жених, чем студент. У Остапа — все наоборот: он до того серьезно относится к своей революционной деятельности, что решение его жениться — достаточно неожиданно. К

тому же он и выглядит почти, как ребенок: о какой свадьбе может идти речь?! Александр Шкреттиенко, как мне показало, увидел в портном Мотле не просто зятя Тевье, но его самого в прошлом: то же стремление сделать всем добро, всех примирить, всех успокоить. Я впервые увидел сейчас Алексея Богдановича в роли Федора и хотел бы в следующий раз посмотреть его в Гамлете или в Чацком. С нервом сыграли Ирина Дорошенко и Елизавета Слуцкая Хаву и Цейтл.

...После второго представления в Москве Иван Семенович Козловский преподнес украинским гостям хлеб-соль со свечой и коробку с мацой. Патриарх нашей сцены обратился к создателям спектакля и к зрителям со словами добра, без которых общество погибнет даже при условии, что весь мир будет готов оказывать нам безвозмездно гуманитарную помощь еще много лет впредь. Ибо только добро спасет мир, в том числе и мир в собственном доме.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.

На снимке: сцена из спектакля. Тевье — Б. Ступка, Голда — Н. Лотоцкая.